„Пров 49“

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Ишк
нс-р
14

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

СОЛДАТСКІЙ ПОДВИГЪ

Разсказъ

К. Миронова.

1902

38"

„Пров 49"

225415

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

СОЛДАТСКІЙ ПОДВИГЪ.

I.

Воскресенье. Въ казармахъ Н-скаго полка большое оживленіе. Солдаты, вернувшись съ обѣда въ праздничныхъ мундирахъ и начищенныхъ сапогахъ, прохаживаются взадъ и впередъ по казармамъ. Нѣкоторые, получивъ отпускные билеты, уходятъ со двора; другіе собираются вмѣстѣ, толкуютъ о томъ, о семъ, перекидываются шуточками, смѣются....

У входныхъ дверей съ правой стороны показался шустрый, разбитной солдатъ Бѣлоусовъ. Откинувъ слегка голову назадъ, съ шапкой на бекрень, размахивая правой рукой въ воздухѣ, онъ весело запѣлъ:

Кормятъ-поятъ на убой,
Чаемъ голову хоть мой!

— Ты что это сегодня, навозъ продалъ, что-ли — загулялъ-то, а? — Останавливаетъ пѣвца молодцеватый съ рыжими щетинистыми усами взводный, зная напередъ, что Бѣлоусовъ отмочитъ ему какую-нибудь штуку.

— Никакъ нѣтъ, г. взводный, — въ ожиданіи наслѣдства! Бѣлоусовъ взялъ подъ козырекъ, выпятилъ грудь впередъ и пристукнулъ ногой.

— Вольно, вольно! — соблаговолилъ взводный, улыбаясь. — Какого наслѣдства?

— Какъ какого? А вотъ Богъ дастъ, скоро ба-

тюшка домъ продастъ, собачку купитъ, будетъ мѣсто караулить.

— И большой домъ?

— Не такъ чтобъ большой, но порядочный, а главное, -- по хозяйству хорошо обставленъ, да и скотины водится достаточно: у насъ двадцать пять кошекъ доенныхъ да двадцать пять котовъ поенныхъ, сорокъ крысъ яловыхъ и пятьдесятъ не отелилось. Вотъ и сосчитайте, сколько всего скотины то!

— Да, скотины много, смѣясь согласился взводный.

— А когда бабушка пойдетъ доить, то дѣдушка съ коломъ стоитъ, а то просто сладу никакого нѣтъ.

— Да, тутъ безъ кола не сладишь. Гдѣ ты, чортова голова, такъ брехать научился?

— Да развѣ я брешу?!

— А что же -- правду говоришь?

— Конечно, правду. Самую, что ни на есть, патентованную.

— Ну, такую то правду говори, ничего; только другой не касайся, а то живо, братъ, въ дисциплинарный угодишь, — дружески-предостерегающе замѣтилъ взводный и направился дальше.

Когда взводный отошелъ достаточно далеко, Бѣлоусовъ подошелъ къ сидѣвшимъ на нарахъ солдатамъ, надулся, принялъ свирѣпый видъ, смѣшно оттопырилъ верхнюю губу и произнесъ начальственнымъ тономъ, поводя плечами:

— Здорово, ребята!

— Къ черту вашего брата! отвѣтилъ ему одинъ изъ сидѣвшихъ, Дубковъ, и подвинулся, чтобы дать ему мѣсто.

— Ишь до чего распустились! Начальства признавать не хотятъ! -- Бѣлоусовъ пожалъ плечами и усѣлся на нарахъ. Бѣлоусовъ пользовался общей

любовью въ ротѣ за веселость и живость характера, за тѣ шутки и анекдоты, которыхъ онъ зналъ безчисленное множество и которыми смѣшилъ товарищей до упаду. Въ то же время всѣ знали, что онъ хорошій товарищъ, и уважали его за стойкость характера и умѣнье постоять за себя и за другихъ.

— Господинъ начальство, ну ка, хоть про поповъ, что ли двинъ что-нибудь! — началъ Дубковъ, толкая Бѣлоусова локтемъ.

Бѣлоусовъ сдѣлалъ до смѣшнаго плаксивую рожу и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, ребята, сегодня не только про поповъ, но и про дочекъ не могу разсказывать; горе у меня большое: у сестры моей троюродной бабушки двоюродная кума померла.

Раздался общій смѣхъ. Только одинъ изъ сидѣвшихъ — черный, съ плоскимъ угрюмымъ лицемъ солдатъ Денисовъ — не принималъ участія въ общемъ весельѣ. Онъ по прежнему сидѣлъ молча, понуривъ голову.

— А ты что носъ повѣсилъ, иль у тебя тоже горе? обратился вдругъ Бѣлоусовъ къ нему.

Денисовъ, казалось, не разслышалъ вопроса Бѣлоусова и нѣкоторое время сидѣлъ молча. Онъ только что получилъ письмо изъ дому и мысленно былъ тамъ, далеко, въ родной деревушкѣ. Передъ нимъ, какъ на яву, стояла нерадостная картина: покосившаяся, обмазанная глиной избушка съ дырявой крышею, и оголенными стропилами, больной, стонущій отъ ногъ отецъ, убитая горемъ старуха-мать...

— У меня взаправду горе: вѣсти скверныя изъ дому получилъ, — неохотно отвѣтилъ онъ.

— Что, али жена съ пастухомъ снюхалась?

Денисовъ недовольно посмотрѣлъ на Бѣлоусова своими большими печальными сѣрыми глазами.

— Тебѣ бы все только зубы скалить.

— Нѣтъ, правда, въ чемъ дѣло?

— На вотъ, посмотри. — Денисовъ досталъ изъ кармана письмо и передалъ Бѣлоусову.

Бѣлоусовъ быстро просмотрѣлъ письмо, потеръ слегка лобъ и вернулъ обратно. Его веселость сразу какъ рукой сняло.

— Да, братъ, радоваться не чему.... Дѣла — какъ сажа бѣла, — задумчиво произнесъ онъ. — Да только вѣдь не у васъ однихъ — вездѣ такъ, повсемѣстно такая же штука происходитъ. Кто при чемъ, а нашъ Григорій всегда при горѣ.

— Въ чемъ дѣло? Новости получили? спросилъ, подходя къ Бѣлоусову, Федоровъ. Это былъ стройный съ подвижнымъ, выразительнымъ лицомъ солдатъ. Онъ также какъ и Бѣлоусовъ, пользовался общимъ уваженіемъ среди товарищей. Работая до службы по большимъ заводамъ Москвы и Петербурга, онъ много встрѣчался съ разными людьми, много читалъ и многому научился. Недаромъ солдаты прозвали его „нашимъ студентомъ“. Чего-чего только не разсказывалъ онъ въ долгіе, скучные вечера товарищамъ! На всякій вопросъ у него можно было найти толковый отвѣтъ. А главное, какъ человѣкъ бывалый, онъ ко всякому умѣлъ подойти и заинтересовать самыхъ равнодушныхъ. Съ его приходомъ компанія еще больше оживилась.

— Все дѣло во щахъ, а сила въ капустѣ, — отвѣчалъ Федорову Бѣлоусовъ. Вотъ Денисову отецъ пишетъ, какъ у нихъ мужиковъ за подати взбутенили, а потомъ послѣднихъ лошаденокъ съ коровенками за безцѣнокъ пораспродали.

— Я думалъ еще что, а такія то новости давно въ зубахъ навязли. — Федоровъ, махнувъ рукой, усѣлся рядомъ на нарѣ.

— Нѣтъ, каковъ живодеръ — прямо креста нѣтъ на шеѣ. Вотъ слѣдовало бы за такую штуку спа-

лить или ребра пощупать, — злобно сказалъ Денисовъ, опуская письмо въ карманъ.

— Кого спалить? — Федоровъ удивленно посмотрѣлъ на Денисова.

— А вотъ этого самого кулака, который скотину скупаетъ.

— За что?

— А за то — не грабь. За мерена то за три дня до того Алдошка-прасолъ тридцать руб. давалъ, а онъ его за десять взялъ.

— Да почему онъ взялъ-то?

— Къ продажѣ назначили, потому и взялъ.

— Кто?

— Точно не знаешь, кто. Знамо дѣло кто — становой съ судебнымъ приставомъ.

— Значитъ, не самъ онъ, а становой съ приставомъ отняли да ему передали.

— Конечно, онъ съ ними дѣлится. Вотъ всѣ заодно и самоуправничаютъ. Царю бы написать, небось, не похвалилъ бы за такую штуку.

Денисовъ глубоко вѣрилъ въ то, что царь любитъ и жалѣетъ крестьянъ, да только не знаетъ, что дѣлается на Руси его именемъ. Отъ отцовъ и дѣдовъ онъ перенялъ твердое убѣжденіе, что это все губернаторъ съ исправникомъ, земскимъ да становымъ помимо царской воли притѣсняютъ и грабятъ народъ. Думалось ему, что, если бы царь обо всѣмъ этомъ узналъ, то не только бы не позволилъ, но даже наказалъ бы ихъ за такое безобразіе.

Федоровъ пристально посмотрѣлъ на Денисова и горькая, насмѣшливая улыбка появилась на его губахъ. Однако онъ ничего не сказалъ.

— А что ты царю-то напишешь? Разъ не платятъ ну и продаютъ, церемониться съ нашимъ братомъ не будутъ. Законъ такой, — вмѣшался къ

разговоръ бѣлобрысый съ небольшими закрученными усиками солдатъ Сидоровъ.

— Законъ такой? переспросилъ Федоровъ. — Почему же только у мужика по этому закону послѣднее отнимаютъ и продаютъ, а у помѣщиковъ амбары подъ хлѣбомъ ломятся, цѣлые табуны лошадей и другого скота гуляютъ? Почему у нихъ не продаютъ?

— А за что у помѣщиковъ продавать будутъ?

— А за что у мужиковъ продаютъ?

— Мужиковъ на волю отпустили, за это и подати взыскиваютъ, а помѣщикамъ вся земля и имѣнія по наслѣдству достались.

— Отъ кого? по какому наслѣдству?

— Какое наслѣдство то бываетъ? Развѣ не знаешь?

— Слыхалъ краемъ уха. Разное бываетъ наслѣдство. Я вотъ знаю, какъ помѣщики отняли у крестьянъ ту самую землю, которой они вѣками владѣли, своимъ потомъ — кровью поливали. Слыхалъ я, какъ помѣщики самихъ ихъ продавали, мѣняли на собакъ и всячески мучили и терзали. Другого помѣщичьяго наслѣдства я что-то не знаю.

Всѣ насторожились и съ интересомъ ждали, что отвѣтитъ Федорову Сидоровъ. Сидоровъ отличался по службѣ, отлично зналъ солдатскій уставъ и всѣ правила, перечиталъ множество книгъ о долгѣ и обязанностяхъ солдата и вѣрно-подданнаго. За то Федоровъ умѣлъ отвѣтить на такіе вопросы, о которыхъ многіе солдаты и не задумывались.

— Опять вотъ отецъ пишетъ, что брата за стачку въ острогъ засадили; восьмой мѣсяцъ сидитъ, — перебилъ Федорова Денисовъ. — А ты говорилъ прошлый разъ, что стачка — хорошая штука. Вотъ тебѣ и хорошая штука, сиди теперь. Изъ-за чего хотя ее устраиваютъ то?!

— А изъ-за того. Начнутъ на фабрикѣ или на заводѣ рабочимъ цѣну сбавлять, штрафовать, тѣснить всячески, не подъ силу станетъ имъ терпѣть это — сговорятся и бросятъ всѣ работу, требуя своихъ правъ. Вотъ и твой братъ, стало быть, отказался работать — за то теперь и въ тюрьмѣ.

Денисовъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Федорова. Какъ онъ ни привыкъ ко всякаго рода несправедливостямъ, но ему всетаки не вѣрилось, чтобы могли сажать людей въ тюрьму только за то, что они отказываются работать задаромъ.

— За что же тутъ въ тюрьму — то сажать? Вѣдь, небось, не крѣпостные, чтобы надъ ними такъ измываться.

— Ты еще скажи слава богу, что только въ тюрьму посадили, а то еще разстрѣляютъ.

— Какъ, кто разстрѣляетъ?

— А вотъ тебя пошлютъ, ты и разстрѣляешь.

— Да что я, Каинъ, что ли, своего брата ни за что, ни про что буду убивать.

— Эхъ, ты, другъ любезный! Да развѣ только Каины убиваютъ своихъ братьевъ? Нѣтъ, братъ, убиваютъ ихъ такіе же люди, какъ мы съ тобой. У всѣхъ у насъ есть отцы и братья. У одного въ Москвѣ, у другого въ Питерѣ, у третьяго гдѣ-нибудь въ деревнѣ. А пошлютъ солдатъ усмирять бунтовщиковъ — вотъ и пойдутъ ребята своего же брата, мужика да фабричнаго разстрѣливать.

— А не бунтуй, вотъ и стрѣлять не станутъ, — снова вмѣшался Сидоровъ.

— Да какъ же не бунтовать, если терпѣть не въ моготу, — запальчиво перебилъ его Бѣлоусовъ. — Дай ка я вотъ тебя за горло схвачу да душить начну; что, ты не будешь сопротивляться?

— Схватить за горло да душить — это дѣло другого рода. Этого никому по закону не полагается.

— Какъ другого рода?! А помѣщики да фабриканты развѣ не то же дѣлаютъ? А вотъ Денисовскаго отца развѣ становой да кулакъ не схватили сейчасъ за горло.

—Хуже еще бываетъ, возразилъ сидѣвшій рядомъ съ Денисовымъ Антоновъ. Вотъ у насъ такъ прямо по рукамъ и по ногамъ скрутили, дыхнуть нельзя. Корова со двора вышла, глядишь, уже ее въ закуту взяли. Неси рубль или иди пять дней отработывать. Только корову выручишь, смотришь — лошадь загнали. Опять такая же штука. Въ лѣсъ за грибами бабы пойдутъ. Поймаютъ лѣсники — штрафъ, да еще не знаю какъ, надругаются. Вотъ тутъ и не бунтуй. Что, онъ лѣсъ-то сажалъ?! Да и земля то тоже, чай, не его рукъ дѣло.

— Сажалъ тамъ,—не сажалъ, а разъ его, значитъ—кончено. А то ежели одинъ начнетъ бунтовать, другой самоуправничать, что же тогда будетъ?

Федоровъ обвелъ его внимательнымъ взглядомъ.

— А почему же можно только помѣщикамъ да фабрикантамъ самоуправничать и грабить, а рабочимъ съ крестьянами даже и сопротивляться нельзя?

Сидоровъ на минуту задумался, что то соображая.

— А что мнѣ твои помѣщики да фабриканты, пошлютъ — такъ я и ихъ разуважу въ лучшемъ видѣ.

— Можешь не собираться: въ томъ то и дѣло, что на помѣщиковъ да на фабрикантовъ насъ что-то никогда не посылаютъ, а только на крестьянъ да на рабочихъ.

— Все равно, мы присягу принимали; разъ начальство приказываетъ, — надо исполнять.

Сидоровъ всталъ и поправилъ бляху ремня.

— А ты что, по своей волѣ принималъ присягу? Присяга присягѣ розь, а иную такъ вовсе хоть брось. Вотъ ты училъ заповѣдь — чти отца твоего и ма-

терь твою, а теперь тебя заставили присягать, что убьешь даже отца съ матерью по приказанію начальства. Это какъ же теперь понимать?

— Конечно, это грѣхъ большой — поднять руку на своего же брата. Да и за что? — убѣдительнымъ тономъ заговорилъ Дубковъ. — У меня вонъ землякъ Федотовъ въ Орловскомъ полку служитъ; они только что вернулись изъ Полтавской губ. съ усмиренья. Вотъ порасказалъ, что тамъ съ крестьянами дѣлали — ужасти... Въ особенности, казаки — хуже всякихъ лютыхъ разбойниковъ звѣрствовали. Пріѣхали въ одно большое село и говорятъ мужикамъ: „Собирайтесь всѣ вмѣстѣ, сейчасъ губернаторъ пріѣдетъ — манифестъ читать“. Ну, тѣ собрались; бабы тоже съ маленькими ребятами пришли. Они ихъ окружили со всѣхъ сторонъ да давай полосовать. Полосовали, полосовали, многія бабы тутъже окровавленныя безъ памяти попадали. Одного мальченку какъ хватитъ казакъ нагайкой, такъ онъ только ножками задергалъ и готовъ.... Потомъ пріѣхалъ губернаторъ; „Кто, спрашиваетъ, — помѣщиками не доволенъ? Кто зачинщикъ?“ И опять давай пороть и молодыхъ и стариковъ. Да вѣдь какъ пороли то?! Человѣкъ лежитъ, ужъ не дышетъ, а его все порятъ.

— Значитъ, до смерти? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Антоновъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Знамо дѣло — до смерти, а то какъ же? Ну, порка кончилась, губернаторъ уѣхалъ, казаки и давай тутъ безчинствовать, послѣднихъ куръ и овецъ у крестьянъ отнимать да рѣзать. А съ бабами да дѣвками что дѣлали — въ пору только лихому злодѣю! Федотовъ сказывалъ, одну дѣвочку лѣтъ двѣнадцати два казака поймали, затащили въ сарай.... Такъ до смерти и замучили. Мать то какъ увидала это, какъ и грохнулась, сперва начала плакать, цѣловать ее, а потомъ, сказываетъ Федотовъ, какъ за-

смѣется, — такъ нехорошо: „Не моя, говоритъ, не моя, псы, душегубы, жрите, берите ее“.

— Вотъ сволочи-то, вотъ изверги-то, вотъ звѣрито! послышалось нѣсколько негодующихъ голосовъ.

— Ну, а солдаты развѣ не пороли, не стрѣляли въ тѣхъ же мужиковъ? — перебилъ Дубкова Федоровъ.

— Какъ не стрѣлять — стрѣляли. Хоть цѣлили больше вверхъ, а то же нѣсколько человѣкъ убили, одну бабу съ грудным ребенкомъ.

— Значитъ, нечего на казаковъ валить, коли сами не лучше ихъ.

— Конечно, наше дѣло подневольное, плачешь, а дѣлаешь, что начальство приказываетъ, — тяжело вздохнувши, проговорилъ солдатъ Голубевъ.

— Подневольное, да и должны, — подхватилъ Сидоровъ.

— Эго почему должны? сдвинувъ брови, спросилъ Федоровъ.

— А потому и должны, что солдатъ есть вѣрный слуга царю и отечеству и защитникъ его отъ всѣхъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

— А что такое, по твоему, отечество?

— Не знаешь? Отечество, значитъ, наша родина, гдѣ мы родились, выросли и живемъ и гдѣ живутъ наши близкіе и родные.

— Хорошо.... Мы вотъ съ Бѣлоусовымъ родились и выросли въ городѣ. Родня наша тоже живетъ тамъ и работаетъ по фабрикамъ да заводамъ. Антоновъ, Дубковъ, Денисовъ родились и выросли въ деревнѣ, можетъ быть, въ той самой деревнѣ, гдѣ такъ звѣрствовали, пороли и разстрѣливали голодныхъ мужиковъ, дѣтей убивали, малолѣтнихъ дѣвочекъ до смерти замучивали. Вотъ и скажи мнѣ теперь, кого мы защищаемъ — отечество, родныхъ и близкихъ, или тѣхъ грабителей и дармоѣдовъ, ко-

торые душатъ нашихъ родныхъ и близкихъ, которые въ нашемъ отечествѣ, какъ въ покоренной вражеской странѣ безчинствуютъ?

— А ежели приказываютъ?

— Да ты что — человѣкъ или собака? сверкнувъ глазами, перебилъ его Бѣлоусовъ. Вѣдь собака даже самая злая — и та на своихъ не бросается, развѣ только бѣшеная какая.

Наступило молчаніе. Сидоровъ, сбитый съ толку, думалъ, что вѣдь и онъ плоть отъ плоти, кость отъ костей того самаго мужика, котораго теперь такъ часто приходится солдатамъ усмирять.... Та же деревня ихъ вспоила, вскормила, ожидала себѣ въ нихъ найти кормильцевъ, помощниковъ и заступниковъ.... А вмѣсто того вонъ оно что выходитъ!

— Да, приказываютъ своего брата пристрѣлить, такъ же, какъ и свинью зарѣзать, — медленно произнесъ Антоновъ, тяжело вздохнувши. Загонятъ вотъ, не знамо куда, отъ родныхъ, отъ дому — запрутъ лѣтъ на пять въ казармы; ничего кромѣ брани и подзатыльниковъ не видишь. Поневолѣ озвѣрѣешь, начнешь каждому встрѣчному и поперечному въ бокъ штыкъ всаживать.

— Правда, зачѣмъ это такъ дѣлаютъ? подхватилъ Крутиковъ, — изъ Варшавы гонятъ въ Москву, изъ Москвы въ Варшаву, казаковъ къ намъ, нашихъ солдатъ къ казакамъ. Развѣ нельзя бы было, напримѣръ, каждаго въ своемъ уѣздномъ или губернскомъ городѣ оставлять? Вѣдь все равно служить то, а выгода большая — отъ дома недалеко, не раззоряться бы такъ. Въ рабочую пору помочь бы можно. А то вотъ теперь лѣтомъ отпускъ даютъ, позволяютъ на работы наниматься — такъ вѣдь только у здѣшнихъ мужиковъ работу перебиваешь. Они тебя всячески клянутъ, а дома родные безъ тебя надрываются, рукъ у нихъ не хватаетъ.

И имъ плохо, и здѣшнимъ нехорошо, и самъ не радъ....

Федоровъ посмотрѣлъ на Крутикова и улыбнулся.

— Ишь чего захотѣлъ! Оставь ка тебя въ уѣздномъ то городѣ, ты, пожалуй, и стрѣлять откажешься, когда тебя пошлютъ усмирять въ свою же деревню мужиковъ, коли они забунтуютъ противъ помѣщиковъ. А вотъ загонятъ сюда, на чужую сторону, тутъ не то. Хоть и здѣсь такіе же голодные, ограбленные мужики, какъ и у васъ въ деревнѣ, а все же не знакомые; легче рука поднимется, когда пристрѣлить прикажутъ.

— Неужели только для этого? удивленно спросилъ Крутиковъ.

— А ты думалъ, для чего тебя загоняютъ къ чорту на кулички отъ родныхъ и знакомыхъ? Для скораго сбора войскъ на случай войны, что ли? Нѣтъ, братъ, мобилизація отъ этого не выигрываетъ, а наоборотъ, на нѣсколько дней запаздываетъ. А вѣдь во время сборъ — это для войны очень важно. Поговори ка вонъ съ писаремъ изъ учебной команды, онъ тебѣ поразскажетъ на этотъ счетъ.

— Да, братъ, вотъ тебѣ и служба отечеству.... началъ было Бѣлоусовъ, но тотчасъ замолкъ и сдѣлалъ знакъ другимъ, чтобы прекратили этотъ разговоръ. „Тише, мыши, котъ идетъ!“ шепнулъ онъ, скорчивъ забавную гримасу.

— На работу, кому очередь? На работу! закричалъ появившійся въ дверяхъ взводный.

Бѣлоусовъ, Дубковъ и еще нѣсколько человѣкъ отправились къ сундукамъ, чтобы переодѣться и итти на работу. Остальные продолжали разговоръ....

* * *

II.

Прошло четыре мѣсяца.

Ласково и привѣтливо сіяетъ теплое солнце, бросая золотые лучи вокругъ на засѣянныя поля. Весело и радостно заливаются, щебечутъ, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, птички. Тысячи кузнечиковъ прыгаютъ и стрекочатъ, наполняя воздухъ звенящими, точно колокольчики, голосами. Высоко надъ полями вьются съ звонкой, ласкающей слухъ пѣснею жаворонки, славя этотъ дивный, прекрасный, міръ, въ которомъ, все зоветъ къ жизни, любви и покою. . . .

Но безпокойны и суровы лица солдатъ. Растянувшись длинною вереницею въ рядъ, они быстро идутъ по пыльной и узкой дорогѣ. Стальные трехгранные штыки, точно щетина какого то чудовища, блестятъ и сверкаютъ на солнцѣ. Въ первомъ отдѣленіи шагаютъ Дубковъ, Денисовъ и Федоровъ. Денисовъ кажется совершенно спокойнымъ, только лицо его еще угрюмѣй и мрачнѣй обыкновеннаго. Дубковъ волнуется и то и дѣло посматриваетъ на Федорова. Федоровъ смѣло глядитъ впередъ и на его красивомъ, подвижномъ лицѣ — неотступная, непоколебимая рѣшимость.

— Благодать то, благодать то какая кругомъ; каждая птичка, букашка живетъ и радуется. А мы то идемъ что дѣлать? думаетъ шагающій рядомъ съ Антоновымъ Крутиковъ и щемящее, смѣшанное со страхомъ чувство охватываетъ его.

— „Помните, ребята, что вашъ долгъ и обязанность выполнить это,“ припоминаются Крутикову отрывочныя фразы изъ сказанной имъ полковникомъ рѣчи. — „Съ бунтовщиками не заговаривать, дѣйствовать оружіемъ во всю, по совѣсти“.

Крутикову начинаетъ казаться, что они идутъ не въ неизвѣстную ему деревню, а въ его родную Михайловку. Ему чудится, что и вотъ они уже пришли. Вотъ у мельницы собралась большая толпа бабъ и мужиковъ — все знакомыя ему лица. Вонъ впереди всѣхъ съ рыжей окладистой бородой Василій Курганъ — онъ всегда стоитъ горой за міръ; вонъ Кривошеинъ Иванъ, Матвѣй Воробьевъ, его отецъ, бабка Домна, Арина Сапожникова.... Ему чудится залпъ... Мужики падаютъ.... Кто стрѣляетъ? Это его рота, — это онъ самъ. „Тебя пошлютъ — и ты стрѣлять будешь!“ припоминаются ему слова Федорова, припоминается ему все то, что онъ читалъ въ листкахъ и книжкахъ, которые ему давалъ тотъ же Федоровъ. „Промаховъ не давать, стрѣлять по первому приказанію; вы должны это дѣлать, если даже среди бунтовщиковъ окажутся ваши отцы и матери,“ опять быстро проносятся въ головѣ Крутикова слова полковника.

— Господи, что то будетъ? — съ тоской и страхомъ шепчетъ онъ....

— Ты что, Крутиковъ? — прерываетъ его думы Антоновъ.

— Я говорю — тяжело: плечо ружьемъ намяло — невпопадъ отвѣчаетъ Крутиковъ.

— Плечо ружьемъ намяло? — недовѣрчиво переспрашиваетъ Антоновъ.

— Нѣтъ, думаетъ онъ, не въ плечѣ тутъ дѣло, а вѣрно тоже на сердцѣ кошки скребутъ. Да, вотъ оно наступило время, только сможемъ ли? удастся ли? въ сотый разъ задаетъ себѣ вопросъ Антоновъ.

Къ ихъ разговору чутко прислушивается Сидоровъ.

— Хитрятъ, черти. У самихъ навѣрное все рѣшено, — думаетъ онъ, но распрашивать не рѣша-

ется, опасаясь получить рѣзкій отпоръ. Ему и обидно, и горько....

Сидоровъ знаетъ, что Крутиковъ, Антоновъ, Дубковъ, Бѣлоусовъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ ихъ роты составили кружокъ и держатся послѣднее время постоянно вмѣстѣ; во главѣ ихъ кружка стоитъ Федоровъ. Знаетъ онъ, что въ этомъ кружкѣ въ свободное время тайкомъ читались тоненькіе листки и книжки. Знаетъ, что въ праздники друзья Федорова брали отпускные билеты и шли за городъ, куда-нибудь въ поле или въ лѣсъ для чтенія тѣхъ же листковъ и книжекъ. Одно время Федоровъ дѣлалъ также попытку сойтись и съ Сидоровымъ; далъ даже и ему одинъ разъ почитать такую же книжечку. Но только ничего изъ этого не вышло. Правда, книжка очень понравилась Сидорову. Въ ней разсказывалось о горькомъ житьѣ-бытьѣ крестьянъ и рабочихъ, которые всю жизнь надрываются надъ работой и умираютъ нищими; о развратѣ и мотовствѣ тѣхъ, кто всю жизнь ничего не дѣлаетъ; говорилось въ ней, при помощи какихъ обмановъ, жестокостей и несправедливостей удалось кучкѣ вельможъ и богачей захватить власть надъ милліонами трудящагося народа, какъ при помощи тѣхъ же обмановъ и жестокостей поддерживаютъ они свою власть и до сихъ поръ. Только дружными соединенными усиліями, говорилось въ книжкѣ, трудящійся народъ сможетъ сбросить съ себя это тяжелое, давящее ярмо; только общими силами, путемъ дружной, упорной борьбы удастся ему побѣдить притѣснителей. Дальше описывалось, какъ хорошо будетъ житься людемъ, когда не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ; когда сами трудящіеся будутъ управлять своей судьбой; когда все, что они добываютъ своимъ трудомъ, будетъ принадлежать имъ, только имъ одним, а не тунеядцамъ и бѣлоручкамъ, какъ теперь.

Понравилась Сидорову книжка, но только одно смущало его. Въ книжкѣ говорилось, что правительство и самъ царь всегда стоятъ на сторонѣ притѣснителей и кровопійцевъ, всегда помогаютъ угнетать бѣдный, трудящійся народъ. А къ правительству и, въ особенности, къ царю Сидоровъ привыкъ относиться съ благоговѣніемъ. Еще изъ деревни онъ вынесъ вѣру въ царя, какъ защитника и покровителя рабочаго народа, какъ олицетвореніе священной справедливости. Кромѣ этой вѣры въ царя, двухлѣтняя служба въ солдатахъ выработала у Сидорова не только привычку безпрекословно, безъ разсужденій исполнять всякое приказаніе начальства, но и убѣжденіе въ томъ, что такого отношенія къ распоряженіямъ начальства требуетъ долгъ и совѣсть солдата. Вотъ почему, возвращая Федорову книжку, Сидоровъ вступилъ съ нимъ въ горячій споръ. Споръ этотъ кончился полнымъ отчужденіемъ между ними. Федоровъ съ тѣхъ поръ избѣгалъ разговоровъ съ Сидоровымъ, а Сидоровъ, хотя и не прочь былъ почитать что-нибудь вродѣ той книжки, но гордость мѣшала ему обращаться къ Федорову. Чтеніе книжки не прошло однако для него безслѣдно. Сидоровъ началъ задумываться надъ многимъ и постепенно утрачивалъ прежнюю самоувѣренность и бойкость. Онъ искалъ примиренія между той частью книжки, которая ему такъ понравилась и своей вѣрой въ царя и начальство — но не находилъ. Попробовалъ было онъ заговорить о мучившемъ его вопросѣ со своимъ пріятелемъ, ротнымъ писаремъ, но тотъ назвалъ его соціалистомъ и сказалъ, что за такіе разговоры можно угодить подъ разстрѣлъ. Послѣднія слова, впрочемъ, нисколько не испугали Сидорова; онъ давно свыкся съ мыслью, что солдатъ всегда долженъ быть готовъ къ смерти, но съ писаремъ разговоры прекратилъ,

чувствуя, что тотъ не разрѣшитъ его сомнѣній. Споръ по поводу полученнаго Денисовымъ письма еще больше сбилъ Сидорова съ прежней позиціи. Послѣ этого ему страстно захотѣлось возстановить добрыя отношенія съ Федоровымъ и раздобыть черезъ него побольше такихъ книжекъ. Онъ чувствовалъ, что только въ этихъ книжкахъ можетъ найти прямые отвѣты на мучившіе его вопросы. Сидоровъ только ждалъ случая, который далъ бы ему возможность заговорить съ Федоровымъ, не теряя своего достоинства. Случай этотъ скоро представился, но имѣлъ совершенно неожиданныя послѣдствія.

Въ одно изъ воскресеній, вскорѣ послѣ того, какъ Денисовъ получилъ изъ деревни письмо, молодой солдатъ, сосѣдъ Сидорова по койкѣ, нашелъ у себя подъ подушкой печатный листокъ и показалъ его Сидорову. Въ листкѣ говорилось, что въ губерніи неспокойно, потому что народъ усталъ терпѣть безконечныя притѣсненія начальства; что солдаты не должны принимать участія въ усмиреніи фабричныхъ и крестьянскихъ безпорядковъ; что крестьяне рабочіе не враги, а братья солдатамъ; что они борятся противъ угнетателей за свои права и волю; что солдаты, наоборотъ, должны помочь имъ въ ихъ борьбѣ.

— Ихъ рукъ дѣло, подумалъ Сидоровъ, дочитавши листокъ. — Непремѣнно поговорю сегодня съ Федоровымъ, рѣшилъ онъ. — Что братья — это вѣрно, что помочь имъ должны — это тоже вѣрно; но вѣдь мы же присягу принимали?

Послѣ обѣда Сидоровъ нарочно не пошелъ со двора. Выждавъ, когда изъ начальства никого не было, онъ развязно обратился къ Федорову.

— А ловко дѣвки стряпали, въ печкѣ ложки спрятали. Какъ это ты успѣлъ, а?

— Чего успѣлъ?

— А вотъ это самое. — Сидоровъ подалъ ему листокъ. Федоровъ взялъ листокъ, спокойно прочиталъ его и возвратилъ обратно.

— Почему же ты думаешь, что это — я? смотря въ упоръ на Сидорова, спросилъ Федоровъ.

— Твоихъ рукъ дѣло, меня то же не проведешь. Я самъ видѣлъ, какъ ты ночью подъ подушки подсовывалъ, — желая подшутить, солгалъ Сидоровъ.

— Ты что же, подлецъ, — шпіонить?! — бѣшено крикнулъ вдругъ стоявшій рядомъ Бѣлоусовъ, бросаясь съ кулаками на Сидорова.

Федоровъ схватилъ Бѣлоусова за руку и оттолкнулъ въ сторону.

— Оставь его, пусть способности развиваетъ! пускай свою преданность начальству показываетъ! Дѣло, братъ Сидоровъ, дѣло, съ спокойной чуть насмѣшливой улыбкой обратился онъ къ Сидорову. — Преуспѣвай, братъ, преуспѣвай; служи царю и отечеству. Если не до генеральскаго, то до ефрейторскаго чина дослужишься. Начальство шпіоновъ обожаетъ.

Сидорова точно чѣмъ то тяжелымъ по головѣ ударили. Нѣсколько секундъ онъ не шевелился и стоялъ блѣдный, какъ смерть. Потомъ плюнулъ, повернулся и пошелъ прочь. Онъ готовъ былъ плакать отъ обиды и злости, готовъ былъ задушить своихъ оскорбителей, но что то мѣшало ему отвѣтить оскорбленіемъ на оскорбленіе или сказать хоть нѣсколько словъ въ свое оправданіе.

Съ этого дня Федоровъ и его товарищи стали сторониться Сидорова, какъ зачумленнаго, но распространеніе листковъ не прекращалось — наоборотъ. Каждое воскресенье солдаты находили ихъ подъ подушками и въ голенищахъ сапогъ. Сидоровъ также доставалъ листки и съ жадностью прочитывалъ ихъ. Чѣмъ больше онъ читалъ, тѣмъ больше убѣждался,

что первая книжка была права, что его, какъ и всѣхъ солдатъ, грубо обманывали и морочили....

„Это — обманъ“, читалъ онъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ, которую подсунули ему подъ подушку: „обманъ, сдѣланный въ угоду тѣхъ, которые привыкли жить потомъ и кровью другихъ людей....

„Произошло это такимъ образомъ:

„Правительству и всѣмъ лицамъ высшихъ сословій, примыкающихъ къ правительству и живущихъ чужими трудами, нужно имѣть средства для властвованія надъ рабочимъ народомъ. Средство для этого есть войско. Защита отъ внѣшнихъ враговъ — только отговорка. Нѣмецкое правительство пугаетъ свой народъ русскими и французами, французское пугаетъ нѣмцами, русское правительство пугаетъ свой народъ французами и нѣмцами, и такъ всѣ правительства: а ни нѣмцы, ни русскіе, ни французы не только не желаютъ воевать съ сосѣдями и другими народами, а, живя съ ними въ мирѣ, пуще всего боятся войны. Правительства же и высшіе правящіе классы для того, чтобы имѣть отговорку въ своемъ властвованіи надъ рабочимъ народомъ поступаютъ какъ цыганъ, который нахлещетъ за угломъ лошадь и потомъ дѣлаетъ видъ, будто не можетъ удержать ее. Они раздразнятъ свой народъ и другое правительство, а потомъ дѣлаютъ видъ, что для блага или для защиты своего народа не могутъ не объявить войны, которая опять таки выгодна бываетъ для генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, купцовъ и вообще богатыхъ классовъ. Въ сущности же война — только неизбѣжное послѣдствіе существованія войскъ; войска же нужны правительствамъ только для властвованія надъ своимъ рабочимъ народомъ“.

„Народъ — читалъ дальше Сидоровъ — задавленъ,

ограбленъ, нищъ, невѣжественъ, вымираетъ. Отчего? Оттого, что земля въ рукахъ богачей, народъ закабаленъ на фабрикахъ, заводахъ, въ заработкахъ, потому что съ него деруть подати и сбиваютъ цѣны съ его работы и набиваютъ цѣну на то, что ему нужно. Какъ избавиться отъ этого? Отнять землю у богачей? Но если сдѣлать это — придутъ солдаты, перебьютъ бунтовщиковъ и посадятъ въ тюрьмы. Отнять фабрики, заводы? Будетъ то же. Войска всегда будутъ на сторонѣ капиталистовъ. Народъ никогда не выкрутится изъ той нужды, въ которой его держатъ, до тѣхъ поръ, пока войска будутъ во власти правящихъ классовъ.

„Но кто же такіе тѣ войска, которые держатъ народъ въ этомъ порабощеніи? Кто тѣ солдаты, которые будутъ стрѣлять по крестьянамъ, завладѣвшимъ землей, и по стачечникамъ, если они не расходятся? Кто тѣ солдаты, которые будутъ сажать въ остроги и держать тамъ тѣхъ, кто откажется платить? Солдаты — это тѣ самые крестьяне, у которыхъ отобрана земля, тѣ самые стачечники, которые хотятъ повысить свой заработокъ, тѣ самые плательщики непосильныхъ податей, которые хотятъ избавиться отъ этихъ платежей... Зачѣмъ же стрѣляютъ эти люди въ своихъ братьевъ?“

Сидоровъ читалъ эти слова и всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ ихъ справедливость. Онъ постепенно освобождался отъ всего того, чѣмъ забила ему голову казарма. Точно пелена спадала съ его глазъ — и онъ понималъ, что царь и правительство — такіе же враги трудящагося народа, какъ фабриканты, купцы и помѣщики. Самый страшный когда то для него вопросъ — вопросъ о принятой имъ присягѣ — явился теперь предъ нимъ въ новомъ свѣтѣ, когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что царь и отечество — не одно и то же.

— Отечество—разсуждалъ онъ—составляютъ тѣ милліоны людей, которые поливаютъ своимъ трудовымъ потомъ и кровью родную землю, а не та кучка тунеядцевъ съ царемъ во главѣ, которая ихъ душитъ. Я присягалъ бороться противъ враговъ отечества. Но если отечество это — рабочій народъ, а царь съ правительствомъ и фабрикантами его враги, то — разсуждалъ онъ дальше, — значитъ солдаты вмѣстѣ съ крестьянами и рабочими должны бороться противъ нихъ.

Одинъ изъ послѣднихъ листковъ настойчиво требовалъ, чтобы солдаты перешли на сторону возставшихъ, если ихъ пошлютъ усмирять крестьянскіе или фабричные безпорядки. Листокъ этотъ былъ разбросанъ всего дня три тому назадъ. Сидорову до боли, мучительно хочется знать, поступятъ ли Федоровъ и его друзья такъ, какъ требуетъ листокъ, но онъ не заговариваетъ ни съ кѣмъ изъ нихъ. Правда, Сидоровъ знаетъ, что въ шпіонствѣ его теперь никто не подозрѣваетъ. Убѣдившись, что никакого доноса не послѣдовало, кружокъ Федорова началъ относиться къ нему съ меньшимъ недовѣріемъ; они стали подсовывать листки и подъ его подушку, чего не дѣлали первое время. Раза два находилъ онъ и книжки, но все же полнаго довѣрія между ними какъ-то не могло установиться. Съ завистью Сидоровъ видѣлъ, какъ съ кружкомъ сблизились Крутиковъ, Денисовъ, Антоновъ и другіе, но самъ сдѣлать перваго шага къ сближенію рѣшительно не могъ. Замѣчая его отчужденность, и тѣ относились къ нему сдержанно. Не рѣшается Сидоровъ заговорить съ ними и теперь, когда ихъ рота идетъ на усмиреніе крестьянскаго бунта, хотя про себя онъ и рѣшилъ, что бы ни случилось, перейти на сторону возставшихъ крестьянъ и пострадать за правду.

Солдаты, поднявшись изъ логовины на ровное мѣсто, увидѣли предъ собой громадное, богато устроенное имѣніе помѣщика съ англійскимъ паркомъ и роскошнымъ садомъ, а поодаль, точно въ насмѣшку пріютились бѣдныя деревушки крестьянъ съ покосившимися избами.

— Сюда, сюда! господинъ офицеръ! — заискивающимъ тономъ говорилъ управляющій, быстро подъѣхавъ на ворономъ жеребцѣ къ офицеру, сопровождавшему роту.

— Что, все еще бунтуютъ? отрывисто спросилъ офицеръ, поправляя шашку.

— Бунтуютъ, господинъ офицеръ, бунтуютъ. Всей округой сговорились — землю подъ рожь не даютъ пахать, плуги отняли, рабочихъ съ становымъ и урядникомъ избили. Его Превосходительство пробовали было уговаривать ихъ — слушать не хотятъ, грозятъ экономію разрушить. Сколько пришлось самому Его Превосходительству выслушать въ лице грубостей, оскорбленій....

Солдаты подошли къ саду, обнесенному деревяннымъ рѣшетчатымъ заборомъ. Повернувъ за уголъ, они очутились у большого двухъэтажнаго каменнаго зданія съ массивными колоннами. Лучи солнца, проникая сквозь зеленыя узорчатыя листья тополей, весело играли на дорогихъ зеркальныхъ стеклахъ дома. Неподалеку отъ дома стояла пестрая толпа мужиковъ и бабъ. У всѣхъ были блѣдныя, взволнованныя и озлобленныя лица.

— Не позволимъ, братцы! что намъ губернатора слушать — онъ такой же христопродавецъ, — громко кричитъ, размахивая руками, стоящій впереди широкоплечій мужикъ съ черными, какъ смоль, волосами; его загорѣлое выразительное лицо нервно вздрагиваетъ.

— Не позволимъ, не позволимъ! довольно терпѣ-

ли, довольно мучились — все одно пропадать! подхватываетъ и волнуется толпа.

Увидавъ солдатъ, она еще больше зашумѣла.

— Что, дѣтки, поблагодарить пришли за то, что мы васъ выпоили да выкормили? — выступая впередъ, обратился къ солдатамъ старикъ, бѣлый, какъ лунь, съ строгимъ подвижническимъ лицомъ. Брови его сурово сдвинулись и губы задрожали.

— Смирно! не разговаривать — стрѣлять буду! — грозно крикнулъ офицеръ, повертываясь къ толпѣ.

Роту разставили въ боевомъ порядкѣ между господскимъ домомъ и толпой. Черезъ парадную дверь вышелъ губернаторъ въ сопровожденіи станового, жандармскаго полковника, земскаго начальника и нѣсколькихъ чиновниковъ. Быстро, насколько это позволяла его тучная, упитанная фигура, онъ направился между рядами солдатъ къ толпѣ. Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, онъ зашипѣлъ, отдуваясь:

— Я васъ, скотовъ безмозглыхъ, уговаривалъ раскаяться, выдать зачинщиковъ, разойтись по домамъ, вернуть взятые плуги и не мѣшать рабочимъ пахать — слушать не хотѣли. Теперь я съ вами по другому поговорю. Шапки долой! На колѣни! сейчасъ же вернуть отнятые плуги и выдать зачинщиковъ! Вздумали самоуправничать, грабители! — рявкнулъ вдругъ губернаторъ и все его неуклюжее безобразное тѣло затряслось и заколыхалось.

— Самъ становись на колѣни, кровопіецъ! Не отдадимъ плуговъ! Не позволимъ! Наша земля! Костьми ляжемъ! Все одно — пропадать! шумѣла въ отвѣтъ толпа, напирая на губернатора.

— А, — такъ я же васъ!! съ перекосившимся отъ бѣшенства лицемъ зарычалъ онъ. — Капитанъ, за вами очередь! — обратился онъ на ходу къ ротному командиру и направился къ дому. Ротный сдѣлалъ

два шага впередъ, выпрямился. Черные съ просѣдью усы его зашевелились и угреватое лицо приняло дерзкое, вызывающее выраженіе.

— Вы слышали приказъ его превосходительства?! Я требую, чтобы вы сію же минуту разошлись, въ противномъ случаѣ прикажу стрѣлять, — визгливо началъ онъ, отчеканивая каждое слово.

— Не смѣешь, мы свое, наше кровное требуемъ! — зашумѣла толпа, заглушая крикъ офицера.

— Второй разъ предупреждаю, за третьимъ стрѣлять буду!

— Не смѣешь, не смѣешь стрѣлять, волновалась и гудѣла толпа, наступая на офицера. Мимо уха офицера, свистя, пролетѣлъ брошенный чьей-то рукой камень... Въ эту минуту Федоровъ быстро выскочилъ впередъ и повернулся лицомъ къ солдатамъ. Офицеръ растерялся, не понимая въ чемъ дѣло; толпа также умолкла и въ недоумѣніи смотрѣла на Федорова.

— Товарищи, раздался его громкій голосъ, — мы не дикіе лютые звѣри, не цѣпные бѣшеные псы, чтобы бросаться безъ разбору и терзать нашихъ отцовъ и братьевъ!

Солдаты растерялись, не зная, что дѣлать.... Офицеръ остолбенѣлъ и нѣкоторое время не могъ произнести ни слова. Случилось что то не бывалое: солдатъ вышелъ изъ строю и призывалъ къ бунту и неповиновенію другихъ...

— Фельдфебель, взять его! взвигнулъ, наконецъ, офицеръ, выхватывая шашку.

Фельдфебель бросился къ Федорову, но тутъ же со стономъ повалился на землю.

— Вотъ тебѣ, продажная тварь, — злобно крикнулъ Сидоровъ и бросилъ прочь ружье съ окровавленнымъ штыкомъ.

Трепетъ ужаса пробѣжалъ по лицамъ солдатъ. Фе-

доровъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Сидорова и вмѣстѣ съ Денисовымъ, Бѣлоусовымъ и Дубковымъ бросился къ офицеру.

— Бросай, отнимай ружья, отнимай! — повелительно кричалъ Сидоровъ, вырывая у солдатъ оружіе...

Все перепуталось... Солдаты смѣшались съ мужиками. Гдѣ то слышалась покрываемая ревомъ толпы команда. Раздались ружейные выстрѣлы. Бѣлый дымъ покрылъ на мгновеніе толпу и волнами заколыхался надъ ея головами. Стая галокъ съ испуганнымъ крикомъ взвилась и закружилась въ воздухѣ. Дымъ разсѣялся.... На землѣ, съ открытыми глазами, откинувъ правую руку въ сторону, лежалъ блѣдный, какъ смерть, офицеръ. Кровь алой струйкой текла изъ виска и падала на землю. Не вдалекѣ отъ него Крутиковъ съ Антоновымъ держали подъ руки раненаго Федорова. Бѣлый, какъ лунь, старикъ дрожащими руками разстегивалъ ему окровавленный мундиръ и слезы градомъ катились по его морщинистому лицу. Двѣ бабы поддерживали его голову и жалобно причитали.

— Пустите, пустите! вырываясь, кричалъ Федоровъ. Глаза его лихорадочно блестѣли, грудь порывисто колыхалась...

—Вмѣстѣ идемъ на пановъ, на грабителей! сверкая глазами, командовалъ Сидоровъ.

— Идемъ, идемъ! ревѣла, размахивая ружьями, озлобленная, перемѣшанная съ солдатами толпа....

Галки съ испуганнымъ жалобнымъ крикомъ метались и кружились въ воздухѣ.....

ПѢСНЯ.

Братцы! дружно пѣсню грянемъ
Удалую — въ добрый часъ!
Мы рабочихъ бить не станемъ, —
Не враги они для насъ!
Только злые командиры
Ихъ приказываютъ бить,
Чтобъ солдатскіе мундиры,
Этой бойней осрамить!
Братъ пойдетъ ли противъ брата?
А крестьяне — братья намъ!
И для честнаго солдата
Убивать ихъ — грѣхъ и срамъ.
Сердце намъ сжимали больно
Ужъ не разъ ихъ стонъ и плачъ;
Этой бойни намъ довольно,
Русскій воинъ — не палачъ!
Пусть себѣ за ослушанье
Насъ начальство душитъ всѣхъ;
Лучше вынесть истязанье,
Чѣмъ принять на душу грѣхъ! —
Такъ затянемъ же дружнѣе
Нашу пѣсню въ добрый часъ:
Въ мужиковъ стрѣлять не станемъ:
Не враги они для насъ.

НОВАЯ ТЮРЬМА.

(Изъ „Впередъ!“)

Прохожій.

Строится, вижу, здѣсь что-то такое;
Зданіе, кажется, будетъ большое...
Что ты здѣсь строишь? Казармы? Дворецъ?
Знать любопытно: скажи, молодецъ!...

Каменьщикъ.

Правда, работы здѣсь будетъ не мало.
Трудное время, братъ, нынче настало.
Слышь, заропталъ нашъ рабочій народъ
Полно работать ему на господъ!
Видно, не стало ужъ дольше терпѣнья,
Молча сносить всѣ неправды, мученья,
Вѣчно трудиться для праздныхъ гулякъ...
Думу задумалъ крестьянинъ — вахлакъ.
Хочетъ онъ самъ добывать свою долю;
Ходятъ все слухи про новую волю...
Вотъ и пошелъ, что-ль, указъ отъ властей
Страху нагнать на строптивыхъ людей.
Всѣхъ, кто стоитъ за народъ нашъ голодный,
Жалуетъ царь нашъ тюрьмой новомодной!
Каторги мало, знать, стало ему:
Выдумалъ новую, злую тюрьму.
Важная штука — могилушка эта.
Въ ней не увидишь и божьяго свѣта;
Стоны, рыданья лишь гуломъ пройдутъ;
Заживо мертвымъ тебя погребутъ...
Такъ-то, землякъ: не дворецъ, не палаты —
Строимъ живому мы гробъ здѣсь проклятый,
Каменный гробъ для свободы людей,
Каменный гробъ для народныхъ друзей.
А велика; знать, не мало народу
Стало теперь за святую свободу...
Былъ здѣсь самъ царь и молебенъ служилъ,
Самъ первый камень тюрьмы заложилъ.
Богу потомъ на колѣнкахъ молился.
Я поглядѣлъ... и душою смутился...
Вишь, кровопійцы: людей-то морятъ,
Сами о Богѣ, любви говорятъ...
А какъ подумаешь, мы то что сами:
Строимъ тюрьму мы своими руками,

Строимъ тюрьму для себя для самихъ,
Да для народныхъ друзей дорогихъ...
Горькая дума! болитъ ретивое.
Время то тяжкое вышло такое...
Эхъ, братъ, заѣла злодѣйка нужда...

Прохожій.

Полно тужить, молодецъ: не бѣда!
Видимо стало: не долго намъ маяться!
Скоро придется всѣмъ хищникамъ каятьс
Скоро здѣсь буря вездѣ зареветъ;
Скоро возстанетъ рабочій народъ.
Дрогнутъ враги его, страхомъ объятые;
Рухнутъ предъ нимъ эти зданья проклятые:
Тюрьмы, казармы, суды и дворцы...
Съ гордыхъ царей онъ сорветъ ихъ вѣнцы...
Брось же, товарищъ, печаль и заботу:
Скоро намъ будетъ иная работа...

Каменьщикъ.

Слово ты, братъ, не пустое сказалъ;
Я ужъ давненько его поджидалъ!
Больно ужъ много народу страданья;
Все не приходитъ нашъ часъ воздаянья!
Пусть же скорѣй онъ ударитъ, какъ громъ:
Правду святую мы съ бою возьмемъ!

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

Изданія

Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

и

Аграрно-Соціалистической Лиги

(НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА)

1. Какъ министръ заботится о крестьянахъ.
Изданіе 1-ое 1000 экз.
„ „ „ *2-ое 3000 экз.*
2. Какъ венгерскіе крестьяне боролись за свои права. *1000 экз.*
3. Крестьянскіе союзы въ Сициліи. *1-ое изд. 2000 экз.;*
„ „ „ *2-ое 10000 экз.*
4. Бесѣды о землѣ. *1-ое изд. 2000 экз.;*
„ „ „ *2-ое 10000 экз.*
5. Разсказы изъ русской исторіи, *ч. I.*
изд. 1-ое 2000 экз.;
„ „ *2-ое 10000 экз.*
6. Долой полицію. *4000 экз.*
7. Воля царская и воля народная. *4000 экз.*
8. Голодъ и самодержавіе. *4000 экз.*
9. Царское правительство и рабочій народъ. *10000 экз.*
10. За вѣру, царя и отечество. Разсказъ *Ивана Вольнаго. 10000 экз.*
11. О неволѣ вѣры въ современной Россіи. *М. Драгоманова. 5000 экз.*
12. Сказаніе о несправедливомъ царѣ. *Ф. Волховскаго. 10000 экз.*
13. Разсказы изъ русской исторіи, *ч. II. 10000 экз.*

Печатаются:

4. Какъ полтавскіе крестьяне землю отбирали.

ИЗДАНІЯ ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

1. Реформа Ванновскаго.	2000 экз.
2. 19-ое февраля.	2000 экз.
3. Вторая Воля.	2000 экз.
4. Долой самодержавіе!	3000 экз.
5. Красное знамя (первомайскій сборникъ).	5000 экз.
6. О податяхъ и налогахъ.	2000 экз.
7. Отчего студенты бунтуютъ.	1000 экз.
8. Откуда пошло крестьянское раззоренье.	500 экз.
9. Царь-Голодъ.	10000 экз.
10. Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи.	5000 экз.
11. Неужели такъ надо?	2000 экз.
12. Ко всему русскому крестьянству.	10000 экз.
13. Террористическій элементъ въ нашей программѣ (отдѣльный оттискъ изъ „Рев. Россіи“).	5000 экз
14. Памяти С. В. Балмашева.	5000 экз
15. Народный герой (Ѳ. К. Качуръ).	15000 экз.
16. Батумское кровопролитіе.	10000 экз.
17. Эволюція русской соціалистической мысли (отдѣльный оттискъ изъ Вѣстника Русской Революціи).	2000 экз.
18. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости.	1000 экз.
19. Несправедливое устройство русскаго государства. (Изд. Крест. Союза)	10000 экз.
20. Демонстранты передъ судомъ.	5000 экз.